

А. А. Златопольская

ВОЛЬТЕР И РУССО В РУССКОЙ МЫСЛИ XVIII–XIX ВЕКА¹

Символами французского Просвещения являются два мыслителя, два антипода — Вольтер и Руссо.

Знакомству русского читателя с произведениями Руссо предшествовало увлечение Вольтером и даже крайностями вольтерьянства. Вольтер — символ отрицания существующей аксиологической системы, прежде всего религиозных ценностей, а, следовательно, и опирающихся на них моральных императивов. В области религии Вольтер выступает как символ вольнодумства и даже атеизма. В нравственной области вольтеровская мораль сближается с нравственными построениями «разумного эгоизма» французских материалистов, причем зачастую принцип «разумного эгоизма» вульгаризируется, в духе подчинения всего в мире игре эгоистических интересов.

В массовом общественном сознании такое вольтерьянство зачастую имело весьма опосредованное отношение к Вольтеру. Как отмечал Д. И. Фонвизин, «Я знаю, что Вольтер развратил множество молодых людей в Европе; однако верьте мне, что для развращения юношества нет нужды ни в Вольтеровом уме, ни в его дарованиях. Граф, у которого вы обедали, сделал в России не меньше разврату Вольтерова, имев голову довольно ограниченную»².

Однако настроение тотального цинизма и скептицизма не могло быть продолжительным. Неизбежно маятник должен был качнуться в другую сторону, и достаточно часто бывший вольнодумец, безбожник и вольтерьянец возвращался к традиционным религиозным и моральным ценностям.

Однако происходит и более сложный процесс — более глубокое восприятие идей французского Просвещения во всей их противоречивости. И здесь значительную роль играет восприятие идей Руссо.

Произведения Вольтера и его личность стали известны русскому читателю ранее, чем личность Руссо. Вольтер был первоначально известен не только как мыслитель,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 11-03-00476а.

² Фонвизин Д. И. Полн. собр. соч. — Ч. 2. — М., 1901. — С. 280–281.

а, прежде всего, как писатель и общественный деятель, борец за веротерпимость и за свободу мысли, защитник невинно осужденных. Первое упоминание о Вольтере в «Санкт-Петербургских ведомостях» относится к 1734 г. «Санкт-Петербургские ведомости» пишут: «Здесьний Парламент приказал Философические писма господина Волтера сожечь, а он сам ушел в Лондон»³. Кроме того, Вольтер рассматривался как советник государей, как одно из главных действующих лиц пьесы под названием «просвещенный абсолютизм».

Характерно, что Екатерина II переписывается с Вольтером, но весьма пренебрежительно отзываясь о Руссо. В своей переписке Екатерина затрагивает многие проблемы восприятия идей Вольтера, характерные для русской мысли в целом. Это проблемы законодательства (известно, что Екатерина послала Вольтеру «Наказ комиссии по составлению нового уложения», в настоящее время он имеется в Библиотеке Вольтера)⁴, проблемы веротерпимости, социально-политические вопросы. Екатерина стремится выглядеть в глазах «фернейского патриарха» мудрой законодательницей и просвещенной государыней, заботящейся о своих подданных. Однако Екатерину как практического политика весьма мало интересуют религиозно-философские, метафизические и антропологические вопросы, которые являются болевыми точками русской мысли.

Русское же общество, русских мыслителей очень интересовали философские проблемы, в том числе размышления о человеке, что неизбежно вело к размышлениям о порядке вселенной, о Боге. Не случайно весьма часто издавались на протяжении и второй половины XVIII в. и начала XIX в. «Исповедание веры савойского викария» Руссо⁵, а также философские повести Вольтера («Кандид», «Задиг», «Простодушный» и др.) и его философские поэмы, такие как «Естественный закон», «Поэма о разрушении Лиссабона»⁶. Безусловно, не случайно «Исповедание веры савойского викария»

³ Санкт-Петербургские ведомости. — 1734. 1 июля. — № 52.

⁴ Библиотека Вольтера. 4–213. Catherine II. Instruction de Sa Majesté impériale Catherine II, pour la commission chargée de dresser le projet d'un nouveau code de loix. — Amsterdam, chez M.-M. Rey, 1771.

⁵ См.: Руссо Ж.-Ж. Размышление о величестве божии о его промысле и о человеке г. Ж.-Ж. Руссо. Переведена 1769 и 1770 года [Семеном Башиловым]. — СПб., ок. 1770; Руссо Ж.-Ж. Бытие Бога и бессмертие души. Из «Эмиля» г. Руссо. [Пер. Ф. Глинки]. — СПб., 1801; Руссо Ж.-Ж. [Исповедание веры савойского викария] // Философические уединенные прогулки Жан-Жака Руссо или последняя его исповедь, писанная им самим с присовокуплением писем его к Мальзербу, в коих изображается истинный характер и подлинные причины поступков сего славного Женевского Философа. Пер. с франц. Иван Мартынов. Ч. 2. — СПб., 1802. — С. 72–178; 2-е издание Ч. 2. М., 1822. — С. 87–211; Руссо Ж.-Ж. Исповедание веры Савойского священника // Руссо Ж.-Ж. Эмиль или О Воспитании. Переведено с французского Елизаветою Дельсаль. — М., 1807. — Ч. 3. — Кн. 5. — С. 20–169

⁶ Вольтер. Кандид, или Оптимизм, то есть наилучший свет / Переведен с французского [Семеном Башиловым]. — СПб.: [Тип. Акад. наук], 1769. Вольтер. Кандид, или Оптимизм, то есть наилучший свет / Переведен с французского [Семеном Башиловым]. — СПб.: При Морском шляхетном кадетском Корпусе, 1779; Вольтер. Кандид, или Оптимизм, то есть наилучший свет / Переведен с французского [Семеном Башиловым]. — СПб.: При Морском шляхетном кадетском Корпусе, 1789; Вольтер. Задиг: История Восточная господина Волтера // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. — 1759. Янв. С. 58–71; Февр. С. 152–167; Март. С. 226–242; Апр. С. 337–351; Май. С. 446–469; Июнь. С. 503–525. Вольтер. Гурон или Простодушный, справедливая повесть из сочинений г. Вольтера. [Перевел Н. Е. Левицкий]. — СПб.: [тип. Сухопутного кадетского корпуса], 1789. Вольтер. Естественный закон поема. Сочинение г. Вольтера. Перевод с французского [И. И. Виноградова] // Жизнь славнейшего г. Вольтера... СПб., 1787. — С. 77–126.

Руссо и «Кандид» Вольтера переводил в XVIII в. один и тот же переводчик — Семен Башилов.

Русское общество живо интересовал спор Вольтера и Руссо по поводу «Поэмы о разрушении Лиссабона» Вольтера, а первым философским произведением Руссо, напечатанным в России, было письмо Руссо к Вольтеру по поводу этой поэмы⁷ (примечание И.-Г. Рейхеля к этому письму — явилось одной из первых рецензий на произведение «женевского гражданина» в печати)⁸.

«Религия сердца» Руссо противопоставляется критике церкви Вольтером и атеизму французских материалистов и в начале XIX века. Так в «Послании к Урании против Послания к Урании Вольтера» А. Баталина, поэме, опровергающей антиклерикальную поэму Вольтера, автор противопоставляет воззрениям «фернейского патриарха» «Исповедание веры савойского викария» Руссо⁹.

В то же время и антиклерикальные воззрения Вольтера и «естественная религия» Руссо способствовали секуляризации русской мысли и общественного сознания, распространению веротерпимости.

Мыслители России, как правило, отнюдь не все принимают в руссоистской «религии сердца», в частности, не принимаются рассуждения о естественной религии, отрицание необходимости молитвы как просьбы к Божеству. Так, Е. Филомофитский пишет в своих примечаниях к письму Руссо по поводу поэмы Вольтера «О разрушении Лиссабона», сближая позиции Руссо и Вольтера: «И я осмеливаюсь заметить, что Руссо здесь и несправедлив, и противоречит сам себе. Он жаловался на учение Волтерово, отнимающее всю возможность избежать зол <...> и даже утешение мыслить о том иначе; а сам, отрицая содействие промысла в неделимых, не еще меньше утешительное проповедует учение? Не допускает ли фатализма? Не уничтожает ли свободу нашу? Не отнимает ли самую отрадную мысль у людей, в Откровении везде им проповедуемую: что наша молитва проходит небеса и преклоняет Бога?<...> Руссо, порицая Философов — сам достоин за это порицания: он, конечно, не знал спасительных истин откровения; он сам не так понимал Провидение Божие»¹⁰.

Рассматривая проблему мирового порядка, мировой гармонии, мыслители склонялись, так же, как автор примечаний к письму Руссо Вольтеру И.-Г. Рейхель, к концепции Руссо, по которой существует предустановленная гармония, в божественном мире все

⁷ Письмо господина Руссо к господину Вольтеру // Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия. — 1762. Ч. IV. — С. 235–273; Письмо Ж.-Ж. Руссо к г. Вольтеру, содержащее в себе возражение на поэму его о разрушении Лиссабона [18 авг. 1756 г.] // Правдолюбец, или карманная книжка мудрого. — СПб., 1801. — С. 19–54; Письмо Ж.-Ж. Руссо к г. Вольтеру, содержащее в себе возражение на поэму его о разрушении Лиссабона [18 авг. 1756 г.] // Вольтер. Поэма на разрушение Лиссабона, соч. г-на Вольтера, с возражением на оную, писанным Ж.-Ж. Руссо. — СПб., 1802. — С. 19–54; 2-е изд. СПб., 1809. — С. 17–48; Письмо Жан-Жака Руссо к Вольтеру / Пер. А. К. [А. И. Каменской] // Украинский вестник. — 1817. — Ч. 7. — № 7. — С. 3–29; Ч. 8. — № 9. — С. 271–283. Левшин В. А. Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме Г. Вольтера на разрушение Лиссабона, писанное Лвшнм к приятелю его Господину 3***. — М., 1788.

⁸ [Рейхель И.-Г.] Примечание к следующему письму, посланному от г. Руссо к г. Вольтеру // Собрание лучших сочинений к распространению знаний и к произведению удовольствий, или Смешанная библиотека. — 1762. — Ч. 4. — С. 231–234

⁹ Баталин А. Послание к Урании против послания к Урании Вольтера. — М., 1829. — С. 54–56.

¹⁰ Украинский вестник. — 1817. — Ч. 8. — № 9. — Сентябрь. — С. 273–275, примечание.

благо, а зло является делом рук людей. В целом же Рейхель не видит кардинальных различий между Вольтером и Руссо, для автора «Примечания к письму Руссо к Вольтеру» они являются представителями века Просвещения.

Сближение «естественной религии» Руссо с христианством особенно характерно для масонских кругов, в которых и на протяжении второй половины XVIII в. и в начале XIX в. велик интерес к «Исповеданию веры савойского викария», нравственно-гуманистическим аспектам религии Руссо. Христианство, как и «деизм сердца» Руссо интерпретируется в нравственном аспекте, подчеркивается идея терпимости и любви.

Все это влияет на восприятие образов Руссо и Вольтера в русской мысли.

В частности, как воспринимались основные черты личности Руссо и Вольтера хорошо видно на примере некрологов обоих мыслителей, напечатанных в 1778 г. в Санкт-Петербургских и Московских ведомостях.

Тон некрологов Вольтеру, помещенных и в «Санкт-Петербургских», и в «Московских ведомостях» более официальный, чем тон некрологов Руссо.

В «Московских ведомостях» просто перечислены обстоятельства смерти Вольтера. В «Санкт-Петербургских ведомостях» Вольтер характеризуется как великий писатель и как защитник невинно осужденных. «Дарования его были столь превосходны и успехи столь непрерывны, что зависть во весь его век не могла с ним примириться. Должно также сказать в честь сего новопреставленного Писателя, что во всех случаях ни кто, как он, не защищал сторону утесненного разными образами человечества, с такою и с таким излияниями сердечных чувствований. Перо чувствительного и достославного сего Философа преобороло несправедливое и бесчеловечное Определение о известном Калласе».¹¹ В некрологе «Санкт-Петербургских ведомостей» Жан-Жаку Руссо, повторенном в «Московских ведомостях» с небольшими изменениями, тон более теплый, менее официальный, и здесь создается картина «добродетельного Жан-Жака», гонимого праведника, так близкого русской традиции, у которого проповедь и жизнь были едины¹².

Философско-религиозные и философско-антропологические воззрения русских мыслителей влияли на восприятие философско-исторических воззрений Руссо, его воззрений на просвещение и судьбы человечества. Мыслители России, увлеченные шествием России по пути Просвещения, ее успешным приобщением к европейской цивилизации, не согласны с пессимистическим взглядом Руссо на грядущее.

Мысли Руссо о противоречиях культуры и цивилизации, о противоречиях просвещения, как правило, либо кажутся русским мыслителям парадоксальными, либо представляются опорой невежества¹³. И здесь они являются скорее союзниками Вольтера, чем сторонниками Руссо. В то же время Руссо привлекает тех, кто опирается на религиозную традицию, против крайностей Просвещения, против нигилизма и религиозного скептицизма¹⁴.

¹¹ Санкт-Петербургские ведомости. — 1778. 19 июня. — № 49.

¹² Санкт-Петербургские ведомости. — 1778. 7 авг. № 63. — С. 551.

¹³ Ср.: Карамзин Н. М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Карамзин Н. М. Сочинения в двух томах. Т. 2. — Л., 1984. — С. 44; Фонвизин Д. И. Послание к Ямщикову // Фонвизин Д. И. Полн. собр. соч. Т. I. — М., 1888. — С. 184

¹⁴ См.: Лопухин И. В. Отрывки сочинения одного старинного судьи и его же Замечание на известную книгу Руссову «Du Contrat Social». — М., 1809. — С. 45–46.

Признание ценности просвещения влияло на восприятие в России руссоистской идеи естественного человека. Положительным идеалом является отнюдь не дикарь, а земледелец, знакомый с просвещением¹⁵, что ближе к воззрениям Вольтера.

В начале XIX в., после Французской революции, в русской мысли, и в первую очередь в массовом общественном сознании, формируется устойчивое отношение к идеям Руссо и Вольтера. Добродетельный и религиозный Руссо противопоставляется Вольтеру. Достаточно часто они рассматриваются вместе в качестве антиподов, их противопоставление происходит по формуле, известной еще в античности — «плачущий Гераклит — смеющийся Демокрит». Появляются множество оригинальных и переводных сочинений, сопоставляющих Руссо и Вольтера¹⁶. Одна из наиболее развернутых сопоставительных характеристик появилась в журнале «Аврора» и принадлежит, вероятно, Я. И. Де Санглену¹⁷. Эта характеристика, с небольшими изменениями, была повторена Я. Де Сангленом в 40-е годы в его книге. Характерно, что это была единственная книга на русском языке, в названии которой упоминалось имя Руссо, выпущенная в николаевское царствование¹⁸. В статье, напечатанной в «Авроре», Яков Де Санглен рассматривает Вольтера как отрицателя, блестящего стихотворца и драматурга, «благодетеля человечества», который боролся против религиозного фанатизма. «Вольтер вооружился против *нетерпимости*, и то сильное участие, которое принимал он в бедственной истории *Каласа*, приобрело ему титло благодетеля человечества» — пишет он¹⁹. В то же время Де Санглен все свои симпатии отдает «женевскому гражданину». Он отвергает обвинения в том, что идеи Руссо явились причиной Французской революции. Автор статьи в «Авроре» подчеркивает единство моральной проповеди и Руссо и его жизни, продолжая традицию русской мысли, которая начинается еще в XVIII в. «Нельзя оспаривать того, что и Руссо был самолюбив, в чем упрекают его столь многие. Но его самолюбие, как и всякая почти черта в его характере, было особенного рода. Оно происходило от той живости и той искренности, с которыми он придерживался правил своих. Сии правила и мнения его столь глубоко вкоренились в его душу, и слились так тесно с его характером, что отделить их друг от друга было невозможно».²⁰ После французской революции в массовой литературе, прежде всего, Вольтер обвиняется в подрыве религиозных

¹⁵ См., напр., Карамзин Н. М. Нечто о науках, искусствах и просвещении... С. 59

¹⁶ См. [Де Санглен Я. И.] Параллель между Руссо и Вольтером // Аврора, 1805. Т. 1, № 3. С. 179–204; Мерсье Л. С. Параллель Вольтера и Руссо / С франц. Петр Буженинов // Аглая. — 1808. — Ч. 3. — Август. — С. 32–37; Вольтер и Руссо: Из журнала «Spectateur» / Пер. Z // Журнал для сердца и ума. — СПб., 1810. — Ч. 2. — № 4 (апр.). — С. 77–83; Некоторые мнения о Вольтере, Руссо и литературе семнадцатого века / Пер. с франц. М. Невзорова // Друг юношества. — 1811. — № 12. — С. 41–57; Женева и жевенцы // Российский музеум. — М., 1815. — Ч. 1. — № 1. — С. 42–50.

¹⁷ См.: [Де Санглен Я. И.] Параллель между Руссо и Вольтером // Аврора. — 1805. — Т. I. — № 3. — С. 179–204.

¹⁸ См.: Де Санглен Я. И. Полный обзор творений Фридриха Шиллера. Вольтер и Руссо. — М., 1843.

¹⁹ [Де Санглен Я. И.] Параллель между Руссо и Вольтером // Аврора. 1805. — Т. I. — № 3. — С. 185.

²⁰ Там же. С. 184–185.

устоев, в нигилизме, отрицании и даже в прямом разврате. Появляются множество памфлетов, обличающих Вольтера и вольтерьянство²¹.

Вот некоторые образцы таких обличений. И. Андреев в статье «Мудрость святолюбцев», помещенной в журнале «Друг юношества и всяких лет» утверждает, что Вольтер — «гений заблуждения и беззаконий», «фернейский лжефилософ», перед смертью был терзаем раскаянием в своих беззакониях», «видел приближающийся к нему ад»²². И. М. Муравьев-Апостол в статье «Письма из Москвы в Нижний Новгород: Письмо шестое» пишет: «...опаснейший из софистов, лжемудрец фернейский, в течение полвека напрягает все силы необыкновенного ума своего на то, чтобы осыпать цветами чашу с ядом, уготованную им для отравления грядущих поколений»²³. А в статье «Благодарность русского: Письмо к Михаилу Александровичу Изъединову от Гавриила Петровича Ермолова», напечатанной в «Русском вестнике», говорилось: «Не говоря о питомцах французов, сколько мещан и даже поселян развратилось от чтения Волтеровых сказок, к несчастю переведенных! Некоторые целые страницы вытвердили из Кандида и других своевольных и беспутных Волтеровых вздоров, а едва ли помнят одно изречение из книг священных!»²⁴.

После Французской революции все чаще полагают, что именно Вольтер явился ее причиной. Именно Вольтер, как это ни парадоксально, чаще чем Руссо! представляется в общественном сознании сторонником крайних политических теорий. Прямые ссылки на «Общественный договор» Руссо как причину французской революции гораздо менее многочисленны²⁵. Этот парадокс, очевидно, связан, с тем, что воззрения Вольтера не представляют, в отличие от воззрений Руссо, систему, хотя бы противоречивую, он силен не системой, не положительным идеалом, а отрицанием, и массовое общественное сознание имеет перед собой не подлинного Вольтера, а миф об отрицателе, а, следовательно, и стороннике крайних политических воззрений. В массовом общественном сознании вольтерьянство, как разрушительная общественная теория, а приверженцы Вольтера как заговорщики, результатом козней которых явилась революция, парадоксальным образом связываются с масонством, хотя русские масоны увлекались отнюдь не Вольтером, а религиозными идеями Руссо.

Близкая к этой оценка имеет место в церковной печати и во второй половине XIX в.²⁶ В тоже время среди мыслителей демократического лагеря 40–60-х гг. растет влияние идей Руссо, в частности его идеи суверенитета народа. Оценка личности Руссо переключается с оценкой «женеваского гражданина» как праведника и мудреца

²¹ См. напр. [Борноволоков Т. С.] Изобличенный Волтер. — СПб., 1792; [Баррюэль О.] Вольтерьянцы, или история о якобинцах, <...> открывающая все противухристианские злоумышления и таинства масонских лож. В 12 ч. / Пер. и предисл. [П. Дамагацкого]. — М., 1805–1809.

²² Андреев И. Мудрость святолюбцев // Друг юношества и всяких лет. — М., 1813. — № 10. — С. 118–119.

²³ [Муравьев-Апостол И. М.] Письмо из Москвы в Нижний Новгород: Письмо шестое // Сын Отечества. — 1813. — № 48 — С. 102–103.

²⁴ Благодарность русского: Письмо к Михаилу Александровичу Изъединову от Гавриила Петровича Ермолова // Рус. вест. — 1814. — Ч. 26. — № 4. — С. 18–19.

²⁵ См. напр.: Лопухин И. В. Отрывки сочинения одного старинного судьи и его же Замечание на известную книгу Руссову «Du Contrat Social». — С. 50.

²⁶ См. напр.: Митякин А. П. Вольтер как глава и тип французского неверия // Христианское чтение. — СПб., 1895. — Вып. 1. — С. 119–141

в XVIII-начале XIX в.²⁷ Что касается «фернейского патриарха», то для деятелей освободительного движения Вольтер — союзник в борьбе с отжившим. Считает, что больше отрицал, больше разрушил Вольтер, чем Руссо, и *enfant terrible* общественной мысли 60х гг. Д. И. Писарев. В статье «Популяризаторы отрицательных доктрин» имя Вольтера связывается с развитием науки и просвещения, с движением по пути прогресса. Противопоставляя Руссо и Вольтера, Писарев пишет, что в личности Вольтера имелся «чичиковский элемент». Но с позиций утилитаризма он оправдывает «фернейского мудреца», ему дорог Вольтер — разрушитель отжившего и Вольтер-правозащитник. «Чтобы составить себе понятие о громадных заслугах Вольтера, надо судить его не как мыслителя, а как практического деятеля, как самого ловкого из всех существовавших до сих пор публицистов и агитаторов. Вольтер особенно велик не теми идеями, которые он развивал в своих книгах и брошюрах, а тем впечатлением, которое он производил на своих современников этими книгами и брошюрами. Силою этого впечатления Вольтер сделал Европе такой подарок, которого цена растет до сих пор и будет увеличиваться постоянно с каждым столетием. Вольтер подарил Европе ее общественное мнение»²⁸. В то же время упование Писарева в это время на буржуазно-либеральный прогресс, на развитие науки и автоматически следующее за ним улучшение общественных учреждений и природы человека, приводит к отвержению им личности Руссо, как личности, не вписывающейся в прогрессистскую парадигму, странной и ненужной веку прогресса²⁹.

Для Писарева с его утилитаризмом и враждой к метафизике достоинством Вольтера является то, что он не развивал в отличие от Руссо абстрактных теорий. «Вступаясь за мучеников французского правосудия, Вольтер не развивал никаких отвлеченно широких теорий. Он просто и спокойно проводил самые широкие теории в действительную жизнь. Он не рассуждал о *souveraineté du peuple*. Он прямо и решительно прикладывал ее к делу»³⁰.

Однако, в отличие от Вольтера, с именем Руссо и в конце XIX в., и особенно в начале XX в., в эпоху русского религиозного ренессанса, связывается не только социально-политическая, но и антропологическая, религиозно-этическая проблематика. В целом влияние Руссо глубже, чем воздействие Вольтера. Руссо актуален и в XX в.

Хорошо сказал забытый сейчас публицист Н. Вильде: «Перечитывая Вольтера через двести лет, испытываешь неизменно удовольствие общения с необычайно живым умным собеседником. Вольтер человек формы и хорошего языка, это Француз, прежде всего отличающийся несомненным даром слова: ясностью, колкостью, остроумием, любезностью, игривостью <...> Это поэт маленьких вещей, очаровательных любезностей в рифмах <...> Он очень умен, этот соперник Руссо, но ум Вольтера не мучает его, как мучит он всю жизнь женевского философа. Это ум не выходящий из рамок практичности и видимых явлений. Даже в вопросах отвлеченных, вечности, Бога мысль Вольтера не погружается в муку сомнений, ограничиваясь буржуазно-практическим рассуждением о мироздании как о часах, которым нужен часовщик.

²⁷ См. напр.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. — Т. 6. — М., 1955. — С. 197–198; Герцен А. И. *Consolatio* // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. — Т. 6. — М., 1954. — С. 87.

²⁸ Писарев Д. И. Популяризаторы отрицательных доктрин // Писарев Д. И. Исторические эскизы. Избранные статьи. — М., 1989. — С. 537.

²⁹ Там же. С. 562–563.

³⁰ Там же. С. 543.

Что такое Руссо?

Изгнанник прежде всего, и я сказал бы — самоизгнанник. Если Вольтер так дорожит буржуазным покоем, всеми мелочными приятностями существования, то Руссо, в противоположность ему нигде не может ужиться<...>.

Вольтер насаждает скептицизм, Вольтер рушит суеверия, патриотизм ему чужд, он не стыдится профанировать народную святую, спасшую Францию, но Вольтер не желает перестраивать человеческое общество до основания. Он слишком практически умен, слишком *не поэт*, чтобы иметь такие мысли. <...>

Руссо провозглашает нового человека, возврат к природе, для него не существует практических соображений, потому, что [он] практик меньше всего и больше всего поэт, и потому что ему нечего терять в этом обществе, где он ссорится и расходится на каждом шагу и где его слишком долго презирали, как бродягу, лакея, мелкого ремесленника, приживальщика, любовника богатых барынь, человека, замаранного в таких низких поступках, как воровство. <...>

В его речах звучит проповедник и чистейший революционер»³¹.

Таким образом, уже в XVIII веке русская мысль создала те образы Руссо и Вольтера, которые будут повторяться (уточняясь и несколько изменяясь) на протяжении всего XIX в. и даже в XX в. Противоположность Вольтер — Руссо составляет одну из глубинных основ русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев И. Мудрость святолюбцев // Друг юношества и всяких лет. — М., 1813. — № 10.
2. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. — Т. 6. — М., 1955
3. Благодарность русского: Письмо к Михаилу Александровичу Изъединову от Гавриила Петровича Ермолова // Рус. вест. — 1814. — Ч. 26. — № 4.
4. Вильде Н. Самоизгнанник // Новое время. — 1912. 23 июня (6 июля). — № 13031.
5. Герцен А. И. Consolatio // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. — Т. 6. — М., 1954.
6. [Де Санглен Я. И.] Параллель между Руссо и Вольтером // Аврора. — 1805. — Т. I. — № 3.
7. Карамзин Н. М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Карамзин Н. М. Сочинения в двух томах. Т. 2. — Л., 1984.
8. Лопухин И. В. Отрывки сочинения одного старинного судьи и его же Замечание на известную книгу Руссову «Du Contrat Social». — М., 1809.
9. Митякин А. П. Вольтер как глава и тип французского неверия // Христианское чтение. — СПб., 1895. — Вып. 1.
10. [Муравьев-Апостол И. М.] Письмо из Москвы в Нижний Новгород: Письмо шестое // Сын Отечества. — 1813. — № 48.
11. Писарев Д. И. Популяризаторы отрицательных доктрин // Писарев Д. И. Исторические эскизы. Избранные статьи. — М., 1989.
12. Письмо Жан-Жака Руссо к Вольтеру / Пер. А. К. [А. И. Каменской]; Примеч. издателя Ф-го [Е. М. Филомофитского] // Украинский вестник. — 1817. — Ч. 7. — № 7. — Ч. 8. — № 9.

³¹ Вильде Н. Самоизгнанник // Новое время. — 1912. 23 июня (6 июля). — № 13031.

13. [Рейхель И.-Г.] Примечание к следующему письму, посланному от г. Руссо к г. Волтеру // Собрание лучших сочинений к распространению знаний и к произведению удовольствий, или Смешанная библиотека. — 1762. — Ч. 4.
14. Санкт-Петербургские ведомости. — 1734. 1 июля. — № 52.
15. Санкт-Петербургские ведомости. — 1778. 19 июня. — № 49.
16. Санкт-Петербургские ведомости. — 1778. 7 авг. — № 63.
17. Фонвизин Д. И. Полн. собр. соч. — Ч. 2. — М., 1901.
18. Фонвизин Д. И. Послание к Ямщикову // Фонвизин Д. И. Полн. собр. соч. — Т. I. — М., 1888.